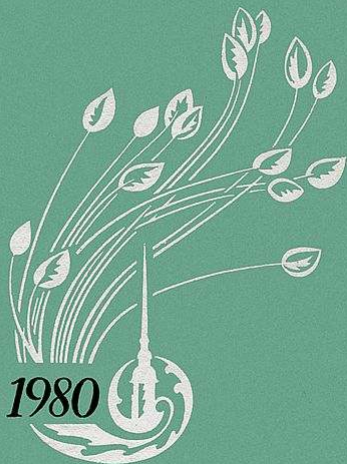

МОЛОДОЙ ЛЕНИНГРАД

Молодой Ленинград*80

Ленинградское отделение
издательства «Советский
писатель», 1980 г, 336 стр.
Тираж 30 000 экз.
Цена 1 р. 40 к.

Главный редактор Петр Капица
Редколлегия: Анатолий
Аквилев, Герман Гоппе,
Владимир Ивченко,
Борис Сергуненков,
Эдуард Талунтис (составитель)
Сергей Тхоржевский
Редактор Н.А. Милосердова

Художники: Владимир
Мартусевич (оформление),
Николай Нефедов,

Александр Овсянников, Владимир Орлов

Стихи: Александр Ковалев, Вячеслав Андреев, Владимир Кондратьев,
Юрий Шестаков, Александр Петров, Владимир Гуд, Юрий Герасимов,
Михаил Яснов, Анатолий Иванен, Сергей Носов, Александр Плахов,
Владимир Волык, Олег Сердобольский, Александр Комаров,
Ирина Знаменская

Проза: Андрей Сочагин, Михаил Волков, Виктор Харченко,
Михаил Городинский, Петр Кириченко, Марина Взорова, Осип Спасов,
Ирина Борисова, Татьяна Жиркова, Николай Коняев, Виталий Горбатюк,
Эмилия Кундышева, Анна Сухорукова, Наталья Никитайская,
Елена Матвеева, Александр Скоков, Акмурат Широ, Александр Лисняк,
Константин Мелихан, Владимир Барсов, Виктор Дальский

Публицистика: Борис Давыдов, Михаил Кононов

Переводы: Хесус Кос Кауссе, Минерва Саладо, Карлос Марти Бренес,
Эдуардо Э. Лопес, Томас Розенлехер, Герт Штайнерт

Критика: Николай Крыщук, Ольга Козлова

Владимир Гуд

ЦВЕТЫ РОССИИ

До воды опускаются кисточки ив.
На привале, в июньский полуденный зной,
Окунусь с головой, обо всем позабыв,
В незабудковый плес, в васильковый прибой.
Запыленная каска утонет в цветах,
Надо мною сомкнется течение трав...
Позабуду на миг о делах, о словах...
И за это меня не осудит устав.
Это море цветов никогда не понять
До конца, и в зеленой его глубине,
Не считая минут, я усну, чтобы встать,
И усталость, и беды оставив на дне.
И тогда я не дрогну в атаке любой...
В самой дальней дали нам слышны, нам видны
Незабудковый плес, васильковый прибой,
Океаны цветов необъятной страны...

Александр Ковалев

ЭКСКАВАТОР НОМЕР ДВЕНАДЦАТЬ

(глава из поэмы «Первая любовь республики»)

Я экскаватор номер двенадцать.
Я не из идолов культовых,
я кровный брат ломов-пролетарцев
и всех лопат-пролеткультовок.
Я экскаватор номер двенадцать,
ты не смотри пытливо,
я по рождению американец,
но по идее – путиловец.
Я пролетарий душой, рычагами,
всею стальнойю закваскою.
Сколько в стране нас?
Судите сам –
номер республиканский.
Сколько в стране нас?
А вы всмотритесь
в наше великое братство –
нас миллионы, нас тысячи тысяч,
строящих наше завтра.

Мы архитекторы, мы провозвестники,
«заново мир оборудующие».

Товарищ Мочалов, наляжем вместе
на котлован будущего.

На бюрократов удары обрушивай,
не отступай, не сдавайся,
ковш мой – кулак твой, товарищ Гаврюшин,
действуй, требуй, сражайся.

В чем наша сила, в чем стойкость характера?

Мы не таим секрета –
мы вместе с Лениным,
мы вместе с Графтио,
мы – за инструкцию света!

Ирина Знаменская

У машин поливальных, левее собора,
Кто стоит под дождем и простится не скоро?
Долго ль будет маячить видение это?
Разорвать бы застывшие два силуэта!

Не хочу я их видеть... Какое мне дело,
Что небрит он с утра, а она – похудела.
Но встречаю опять как залог неудачи
Этот памятник ныне живущим иначе.

Михаил Яснов

ТИХИЙ ЧАС

Юный пес грызет штакетник,
по забору ходит кот,
кур наставник и советник
разрывает огород.

Разбегаются хохлатки
от медлительных коров,
у окна малыш в кровати,
их увидев, поднял рев.

Петуха соседка гонит,
куры спрятались в лопух,

и в дыру, никем не понят,
ретируется петух.

Улеглись в траве коровы,
стихло гневное «кыш-кыш»,
светлоглазый и безбровый,
замолчал в окне малыш.

И соседка, сняв передник,
задремала у ворот,
и, оставив свой штакетник,
дрыхнет пес и дрыхнет кот.

Тихий час. И власть дремоты
прорастает к небу, где
пролетают самолеты
в запредельной немоте...

Александр Лисняк

ЛУНА

Вечером детям с нашего двора разрешили посмотреть луну в телескоп. Телескоп рядом, в мореходном училище. Об этом прослышали все, и луну захотели посмотреть и молодые домохозяйки, и две старушки, и дворник Василь Павлович.

Вечер был холодным, пронзительно синим, над домом шмыгала, ныряла, беззвучно трепетала летучая мышь, а потом взошла луна и словно придавила все своим тяжелым блаженным светом.

Двор стал хрупким, похожим на театральную декорацию. Шуршащей вереницей мы шли под полной свежей луной, отбрасывая неровные тени, женщины – в накинутых на плечи светлых плащах, с зелеными ветками сирени. Василь Павлович косился на небо и нервно шурился, курил в кулак. Мы растворились в темноте тоннеля, плотно увитого диким виноградом, пересекли улицу, – из-за теней казалось, что вся процессия идет на ходулях, – прошли проходную с непривычно ярким светом; дежурный улыбнулся в освященном окошечке, пересчитал нас.

Потом шли по каким-то пустым, лунно лоснящимся коридорам, потом попали словно в трубу и шли вверх по гудящей, сквозной, пронизанной лунным светом винтовой лестнице – словно ввинчивались в небо. Всех вел мой папа. Где-то вверху звучал его голос.

И вдруг – бледная крохотная площадка под несметным небом. Черный маленький телескоп. Все теснились.

– Осторожнее, осторожнее! Давайте-ка по очереди! Вначале старшие,
– сказал мой папа.

Старушки по очереди посмотрели в телескоп, прикрывая рты сухонькими ладошками.

– Во сколько увеличивает? – сердито спросила первая.

– В десять раз.

– Мало увеличивает. Очень мало!

Другая старушка неодобрительно посмотрела на подругу, но та снова прильнула к объективу.

– Хватит, хватит, Матрена Игнатьевна, – сказал дворник, затягиваясь дряблым коричневым окурком. – И что ты так в луну вперилась? Ты что, ее не бачила, что ли?

– А сам-то, сам-то, – не отрываясь от объектива, запричитала старушка, – сам-то откуда пришел, еще в очереди стоит! Я луны-то этой, может, больше и не увижу! Ну прямо золотая!

– Опять преувеличивает? – спросил уважительно Василь Павлович.

– Да не, я уже на звезды! Звезды-то, батюшки! Они на нас смотрят, мы на них.

– На звезды договора не было! – зашумели в толпе домохозяйки. – Такие пожилые женщины, и зачем вам звезды, так можно и до утра стоять! Здесь все на луну пришли смотреть!

– Надо же, чего придумали, – сказала первая старушка, неохотно отстраняясь от объектива, – и зачем им луну увеличивать? Нет, чтобы своими-то глазами-то на все, как оно есть, смотреть...

Василь Павлович вежливо оттеснил старушек.

– Различаю! – наконец сказал он и задумчиво отошел.

Что он различил?

Перед тем, как заглянуть в телескоп, он снял свою кепку с пуговкой и прижал ее к груди.

Я протискивал голову сквозь чужие, горячие, раскаленные от любопытства. И вот мир расступился, и в холодном маслянистом пространстве я увидел луну, и всего меня словно залило ее бледным пылением. Она тянула. Она то плавилась в объективе, то словно прилипала к нему одним боком. Я чуть поворачивал голову, и она неохотно отделялась от стенки поймавшего ее круга, вытягивая тоненькую ножку, и вдруг освобождено повисала в самом центре этого черного круга.

Долго смотреть было трудно – луна выдалась яркая. В ней словно сквозило очертание грустного лица, отчетливее, чем всегда.

Я шел назад, и голова у меня кружилась. Я был переполнен лунной.